

Г.П. Щедровицкий. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейтельного подхода.

Г. П. Щедровицкий
**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОППОЗИЦИИ
НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО
И СИСТЕМОДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДОВ**
Щедровицкий Г. П. *Избранные труды*. М., 1995. С. 143-154.

1. Организация деловых контактов и совместной работы представителей разных профессиональных сфер и научных дисциплин до сих пор остается сложной проблемой. Подавляющее большинство исследователей во всех областях науки предпочитают работать только в рамках своих научных предметов и на представителей других дисциплин смотрят как на «чужаков», которых надо опасаться и держать на приличном расстоянии, чтобы предохранить свои научные предметы от «загрязнения» и вульгаризации. И во многом в наш век массовой коммуникации эти опасения и заботы оправданны и разумны. Но мир, в котором мы живем и действуем, един, он не разделен на автономные географические, геологические, физические и социокультурные миры, и те проблемы, которые стоят сейчас перед учеными-предметниками, как правило, являются не только и не столько предметными, но общими для многих наук, а часто - для *всех* наук, как естественных, так и общественных. И в подавляющем большинстве случаев эти проблемы не могут быть разрешены усилиями представителей одной какой-либо науки, а требуют вкладов со стороны многих наук. Уже одно это обстоятельство заставляет нас искать *формы совместной работы над общими проблемами, формы междисциплинарной коммуникации и комплексного полипредметного мышления* [1—8].

Углубляя это, уже достаточно утвердившееся к настоящему времени представление, я рискнул бы даже сказать, что главный принцип, который реально разделяет нас сейчас в нашей работе, это уже не различия в научно-предметных представлениях, а *методологические различия в подходах*, которые мы принимаем, организуя свою работу, *различия в способах онтологического видения и представления мира, различия в средствах и методах нашей мыслительной работы, оформляемые часто как различия в «логиках» нашего мышления*.

Это, на мой взгляд, сейчас много важнее, чем различия в научных предметах. Два специалиста, исповедующие, скажем, системный подход, легче сговорятся между собой, даже если один из них - геолог, а другой - социолог, нежели в том случае, когда оба они - геологи, но один работает в системных представлениях, а другой - в вещных. Это мы тоже должны зафиксировать как существеннейшую характеристику современной социокультурной ситуации [1-8] и постоянно учитывать в своем анализе.

Принимая это в качестве принципа, наиболее точно выражающего суть тех изменений, которые претерпело наше мышление в последние 50 лет, попробуем далее рассмотреть (в применении к материалу естественных наук) *различия между натуралистическим и системодейственным подходами* в исследовании и познании, которые считаем важнейшими и во многих отношениях даже решающими для современной социокультурной ситуации в науке.

2. Всякий исследователь, принимающий *натуралистический подход* независимо от того, в какой науке он работает, исходит из того, что ему уже дан объект его рассмотрения, что он сам как исследователь противостоит этому объекту и применяет к нему определенный набор исследовательских процедур и операций,

которые и дают ему, исследователю, *знания об объекте*. Эти знания представляют своего рода трафареты, шаблоны или схемы, которые мы накладываем на объект и таким образом получаем его изображение, а вместе с тем вид и форму самого объекта.

Исследователь-натуралист никогда не задает вопросов, откуда взялся «объект» и как он в принципе получается, ибо для него, сколь бы методологически изощренным и развитым он ни был, *природа с самого начала состоит из объектов*, а точнее, как писал К. Маркс, *из объектов созерцания*¹, которые и становятся затем объектами специального научного исследования.

Мысля таким образом, натуралист работает (и, можно даже сказать, находится), во-первых, в *эпистемолого-организационных схемах* (см. на рисунке пункт а), сформированных в период античности, во-вторых, в *гносеолого-организационных схемах*, оформившихся с начала XV в., - сейчас обычно они выражаются в схеме познавательного отношения субъект-объект (см. на рисунке пункт б) -

и, в-третьих, в собственно *натуралистической конкретизации субъект-объектной схемы* (см. на рисунке пункт в), сформировавшейся на рубеже XVI-XVII вв. за счет введения понятия «природа» (в первую очередь, в работах Ф. Бэкона); чтобы перекинуть мост к дальнейшему обсуждению системодейственного подхода, я буду представлять субъект-объектные отношения в деятельностных схемах и символах (см. на рисунке пункт в) и при этом для упрощения «склею» познавательное и исследовательское отношения, субъекта к природе в одном знаке (в точном соответствии с тем, как это обычно делается в методологии натурализма).

Чтобы с самого начала убрать возможную неправильную трактовку слоев, подчеркнем, что автор пока никак не критикует натуралистическую точку зрения, а лишь резко и схематически выражает суть ее - те специальные онтологические и организационно-мыслительные допущения, которые лежат в ее основании. Натуралистический подход, на наш взгляд, является столь же законным и логически основательным, как и все другие подходы. Более того, в противоположность многим другим подходам он прекрасно проработан за последние 400 лет, и именно ему наука обязана всеми своими основными успехами. Поэтому, когда речь пойдет о критике натуралистического подхода, и особенно в области естественных наук, то это будет совсем не простым делом².

Но это в будущем, а сейчас мне важно лишь подчеркнуть, что натуралистический подход отнюдь не единственный и наряду с ним существуют и другие по идее не менее значимые подходы.

¹ «Главный недостаток всего предшествующего материализма - включая и фейербаховский - заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно») [18, с. 1]

² С современной критикой натурализма в науках о языке и мышлении можно познакомиться по работам [11; 15; 12; 13П4, с. 143-147].

3. И в частности, в самом этом сопоставлении и анализе разных подходов в научных исследованиях и разработках я реализую другой - *деятельностный*, или, точнее, *системодеятельностный*, подход, который в задании основной организационной структуры мышления исходит не из оппозиции субъект-объект, или в более специфических терминах, не из оппозиции исследователь-исследуемый объект, а из самих систем деятельности и мышления, из тех средств и методов, той техники и технологии, тех процедур и операций и, наконец, тех онтологических схем и представлений, которые составляют структуру мыследеятельности - МД (в частности, исследовательской) и задают основные формы ее организации.

В рамках развернутой системодеятельностной трактовки натуралистического подхода все то, что было представлено на рисунке в пункте *б* следует переделать несколько иначе (см. на рисунке пункт *в*) и, в частности, зафиксировать у исследователя: 1) определенный набор мыслительных и деятельностных средств, с которыми он «выходит» на объект; 2) определенный набор действий (процедур и операций), которые он применяет в отношении к объекту; 3) то, что мы называем (в технической манере) «табло сознания» исследователя, на котором появляются образы, фиксирующие опыт его исследовательской работы; 4) тексты речи-мысли, в которых исследователь фиксирует ход и результаты своей исследовательской работы и сообщает о них другим людям (заметим на будущее, что в этих текстах выражаются среди прочего его знания об объекте), 5) строго определенные нормы и схемы организации исследовательской МД, в частности категории, которые этот исследователь реализует в практике своего мышления и своей деятельности, когда становится в то самое исследовательски-познавательное отношение к объекту, которое представлено на этой схеме акта мыследействия; в частности, это могут быть те самые натуралистические гносеолого-организационные схемы (см. на рисунке пункт *в*), которые он как бы «надевает на себя», занимая место «субъекта познания» или «субъекта исследования» и одновременно объявляя то, на что направлены его операции и процедуры, и то, что он «видит» перед собой благодаря онтологическим схемам и картинам, - «в виде объекта природы» и вместе с тем «объекта познания» или «объекта исследования» (более проработанные схемы организации деятельности и мышления см. [9-12; 2; 5; 13]).

Нужно еще специально подчеркнуть - и это, в принципе, одно из величайших чудес в организации работы нашего сознания, - что при всей совершенно очевидной сложности нашей МД, в частности исследовательской, при обилии входящих в нее разнообразных элементов *сознание натуралиста в предметно-теоретической форме фиксирует только объект исследования*, сосредоточено только на нем, только его замечает и видит - и в этом величайшая простота и сила натуралистического подхода, его бесспорное практическое преимущество. Натуралистически организованное сознание, следовательно, не замечает сложнейших структур мышления и деятельности и того обстоятельства, что *объект МД включен в эту МД, является функциональным и морфологическим элементом ее*, а видит вместо сложнейших структур мыследеятельности только два морфологических фокуса ее - объект и субъект, их оно различает и разделяет, между ними проводит границу, стягивает все «мыследеятельное» к ним одним, а затем полагает между ними отношение или связь особого рода - познавательно-исследовательскую.

4. Подобное представление структур и механизмов исследовательской МД сложилось в результате философской рефлексии научно-исследовательской работы прежде всего в XVII-XVIII вв. - рефлексии, в большей мере прожективной и

спекулятивной, нежели ретроспективной и исследовательской [13, с. 131-143], что затем было заимствовано широким кругом естествоиспытателей и закреплено традицией. Именно благодаря рефлексивной спекуляции «объект» оказался «вынутым» из систем МД и знаний и был противопоставлен «субъекту» в качестве самостоятельной реальной сущности, существующей в мире природы. И хотя такое представление было совершенно очевидным переупрощением реального положения дел, оно позволило сознанию натуралиста сосредоточиться на «объекте» и начать анализировать его с помощью специальных процедур, направленных на материал природы, выделять в нем свойства и качества, фиксировать их в знаниях и понятиях, переводить в формы «видения» и созерцания, обсуждать все это как непосредственно-феноменально и опосредованно-рефлексивно данное и т. д. и т. п. Но все это, как и вообще сосредоточение на объекте, стало возможным, как я уже отметил, только благодаря тому, что в ходе исторического развития МД, в частности научных и философских форм ее, была сформирована сначала эпистемолого-организационная схема, а затем обосновывавшая и оправдывавшая ее гносеолого-организационная схема, ставшая основной формой организации нашей рефлексии и нашего знания. Именно эта схема с конца XVIII в. стала определять наше понимание и смыслообразование в процессе научно-исследовательской работы (понимание чужих текстов и понимание ситуаций), а также способы порождения самих текстов и выражаемых в них знаний.

После того как такая форма понимания и знаний была задана, мы уже в любых условиях, априорно, как это показывал И. Кант, *начинали видеть то, что знали*. Для данной формы организации МД это означает, что мы начинали видеть объект со всеми теми характеристиками, которые мы приписали материалу природы посредством нашей МД, и все эти характеристики мы выводили не из МД и приписывали отнюдь не мыследеятельности, а именно объекту природы как таковому.

Образно говоря, реально мы как бы «наклеивали» наши знания на материал природы и таким образом порождали объекты рассмотрения. Пока это не сделано, объектов просто нет. А если нет объектов, то не может быть и натуралистического подхода в изучении их. Выражая это в виде общего принципа, можно сказать, что реализация натуралистического подхода в исследовании возможна лишь при условии, что мы *уже знаем*, хотя бы в общих чертах, как устроен объект анализа, где проходят его границы и какими методами его можно исследовать. Естественные науки, разворачивавшиеся на базе натуралистического подхода, стали возможны лишь после того, как Ф. Бэкон, Г. Галилей, Р. Декарт и др., опиравшиеся на огромную методологическую и философскую работу своих предшественников - математиков, логиков и метафизиков, построили *общие представления о природе и возможных способах существования объектов природы, а их последователи в XVII-XIX вв. создали еще целый ряд более конкретных представлений о разных типах объектов природы*, соответствующих разным естественно-научным категориям - субстанции, процесса, взаимодействия, вещи, поля, множества частиц и т. п. И все это время с начала XVII в., вот уже около 400 лет, мы продолжали эксплуатировать эти базовые представления и строили на них одно за другим разные научные предметы. И в принципе, если брать науку саму по себе, изолированно от развития инженерии, техники и производства, то эту работу можно продолжать бесконечно и создавать все новые и новые натуралистически организованные научные предметы. Но дело в том, что за это время кардинально изменился характер самой общественной практики, изменились ее реальные ситуации, изменился характер общественно значимой МД, и

в силу этого характер «объектов», создаваемых в науке на базе натуралистического подхода, перестал соответствовать тем проблемам и задачам, которые порождает и творит сама практика.

Если попробовать выразить эти изменения практики предельно сжато и кратко, то можно наверное сказать, что за это время сложилась и оформилась *многосторонняя комплексная практика*, порождающая такое мыследеятельное содержание, которое никак уже не может быть выражено в представлениях о традиционных натуральных объектах; и мы, следовательно, попадаем в социокультурную ситуацию, очень напоминающую ту, в которой начинали свою работу философы, методологи, математики и физики XVII в.: подобно тому как они создали тогда *новые онтологические представления о мире природы* и таким образом заложили основания для развития всей системы «натуральных» наук, мы сейчас должны создать *принципиально новые онтологические представления о мире деятельности и мышления* и таким образом заложить основания для развития системы мыследеятельностных наук. Но это, в свою очередь, предполагает, с одной стороны, *обращение к принципиально новым категориальным схемам*, а с другой - *использование совершенно иного, не натуралистического, а деятельностного или, еще точнее, системодейностного подхода*.

5. Переход от натуралистического подхода к системодейностному связан с целым рядом изменений в структуре и формах организации нашего мышления и МД, которые подготавливались исторически и происходили в особенно явной и заметной форме в последние три столетия.

Первое из них связано с появлением и постепенным распространением наряду со схемами и моделями объектов нашей МД также еще и схем мышления, деятельности и МД как таковых. К середине XX столетия это движение оформилось как *установка на создание наук о мышлении и деятельности*, что потенциально несет в себе новую научно-техническую революцию.

Второе изменение исходило из первого и поддерживало его - это перенос центра тяжести в организации мышления и МД со схем объектов мыследействия на *схемы и модели самих мышления, деятельности и мыследеятельности как таковых*. Оно было особенно характерным для областей, где развёртывалась полипрофессиональная и полипредметная работа, которая нуждалась в комплексной и системной организации [3, 8] и насаждалась в первую очередь оргуправленческой работой, которая в последние 100 лет становилась все более значимой, а после первой мировой войны стала господствующей.

Третье изменение - соорганизация схем объектов мыследействия со схемами мышления, деятельности и МД как таковых в *знаниевые связи совершенно нового типа* (обычно их называют «подходами») - соорганизация, достигнутая за счет использования «схем многих знаний» [9] и, далее, схем многомерной, пространственной организации знаний о МД [15; 17; 8]; благодаря этому нововведению методологическое мышление получило возможность оформиться в новый вид и тип МД, в «методологическую работу» и методологическую сферу, которая складывается как бы над наукой, захватывает и подчиняет ее себе и становится новой *исторической формой «всеобщего» мышления, замыкающего на время рамки нашего мира* [9; 2; 5; 17; 3].

Фиксации и уяснению смысла и сути всех этих изменений в структуре и формах организации нашей МД сильно мешает то обстоятельство, что в течение трех последних столетий методологическая работа развивалась преимущественно на

материале науки. Связь между ними была столь тесной и оказала такое влияние на формы методологического самосознания, что чуть ли не повсеместно методология стала рассматриваться как надстройка над наукой, обязанная последней как происхождением, так и своим существованием.

При таком подходе практически не имело смысла ставить вопросы о каких-либо самостоятельных формах организации методологии и ее специфических средствах: она рассматривалась по образу и подобию науки - чаще всего в виде метатеории. И если даже фиксировалось, что на ранних этапах своего становления методология могла иметь форму методики и проекта, то все равно эти формы рассматривались как зародыши, неминуемо превращающиеся в дальнейшем в форму научной теории.

Это же представление проецировалось в историю мышления: считалось, что наука складывается в теле философии сама собой, без посредства методологии, затем выделяется в самостоятельную сферу и после этого порождает методологию науки, в основном подобную самой науке.

Но само представление об автономном существовании науки как особой сферы познания возникло и получило распространение не так давно - в конце XVIII и начале XIX в. и приблизительно соответствует лишь тому, что реально сложилось и существовало только во второй половине XIX и первой половине XX в. Поэтому если мы хотим рассмотреть взаимоотношения методологии и науки в более широком историческом контексте,

скажем, от античности до наших дней, и получить соответственно этому более глубокие и более адекватные представления об этом отношении, то должны начинать анализ не с обособленной и изолированной науки, а с нерасчлененной соцелостности всех форм человеческого мыследействия - мифологических, конструктивно-технических, собственно научных, инженерных, проектных и других; *мы называем эту соцелостность «сферой мыследеятельности».*

Всем, кто мыслит традиционно, бесспорно, может показаться, что выделение этой соцелостности в качестве предмета анализа является чисто искусственным делом, не схватывающим подлинную организацию нашего деятельного мира. Но такое представление - типичный результат абсолютизации профессионального партикуляризма, характерного для нашего времени. *Соцелостность всех форм и типов мыследействия реально существовала, по-видимому, во все периоды развития человеческого общества и существует сейчас*, сколь бы разнообразными ни были входящие в нее формы мышления и деятельности и как бы ни обособлялись они друг от друга в организационном плане. Другое дело, что в одни эпохи сфера МД была более дифференцирована и напоминала скорее конгломерат, нежели целостность, в другие, наоборот, была более интегрирована и принимала разнообразные формы - от агломерации до почти тотально организованного целого. Но при этом в каждую историческую эпоху существовала такая форма МД, которая выдвигалась на передний план и брала на себя *функции рефлексивного представления и рефлексивной организации* всей сферы МД. В преантический период это была мифология, в античный - философия, в Средние века - теология, в XVII—XVIII вв. - снова философия, в XIX и XX вв. - наука. Именно эту соцелостность разных форм МД мы и должны рассматривать, если хотим исследовать взаимоотношения науки и методологии и исторические изменения этого взаимоотношения.

Все, что известно нам сейчас по истории МД, показывает, что в течение долгого времени элементы научного и методологического мышления складывались и

оформлялись вместе и, по сути дела, параллельно друг другу внутри иных форм мышления и МД- мифологических, философских, теологических и практико-методических. В принципе, можно предположить, что как наука, так и методология имели свои независимые линии развития и могли бы оформиться в относительно самостоятельные сферы МД. Но известные нам факты говорят другое. На деле получилось так, что во всех переломных точках, характеризующих основные этапы становления науки, - в античности, в позднем Средневековье и в XVII—XVIII вв. - *методология складывалась раньше, а наука появлялась и оформлялась внутри нее* как специфическая организация некоторых частей методологии. Именно такое отношение между методологическим и научным мышлением находим мы в работах Платона, Аристотеля, Евклида, Птолемея, Орема, Р. Бэкона, Галилея, Декарта и других выдающихся мыслителей. Более того, уже элементарный анализ всех этих работ показывает, что методологическое мышление выступало при этом не только в качестве объемлющей системы, но также и в качестве средства порождения специфических организованностей научного мышления - так называемых *научных предметов*. В сочинениях Галилея и Декарта это выявляется с такой же отчетливостью, как и в сочинениях Птолемея и Аристотеля.

Но после того как научное мышление складывалось и оформлялось внутри методологического, всегда происходила очень странная на первый взгляд вещь: научное мышление закреплялось в своих специфических организованностях и начинало развиваться по своим внутренним, имманентным законам, а методологическое мышление, породившее науку, наоборот, не закреплялось ни в каких специфических организованностях, пригодных для автономного и имманентного развертывания, начинало распадаться и как бы отходило в общей сфере МД на задний план. И это опять-таки можно проследить по всем работам, характерным для постреволюционных периодов в истории МД.

Названное отношение между методологией и наукой было бы легче выявить, если бы оно не затемнялось другим, по сути дела, противоположно направленным отношением и процессом. Параллельно процессу разрушения и выпадения исходных форм методологии над научно-исследовательским мышлением (как только оно начинало оформляться в автономную и обособленную сферу МД) появлялась *«вторичная методология» - методология научного исследования.*

Последняя имеет два относительно независимых источника: традиции собственно методологического мышления и рефлексии научного мышления. И процессы, порожденные этими двумя источниками, непрерывно взаимодействуют друг с другом. Рефлексия научного мышления может оформляться по-разному: 1) научно (и в таком случае порождает метатеории разного рода); 2) методически и философски (и тогда появляются чаще всего «комментарии»); 3) собственно методологически (и это каждый раз дает новый толчок для развития собственно методологического мышления) [2; 5].

В принципе, *рефлексия возникает над каждой МД и раньше или позже превращается в ту или иную форму мышлений.* Затем, когда это мышление перерабатывается в мыслительную деятельность, т. е. когда оно нормируется и начинает транслироваться [16], над ним надстраиваются *новая рефлексия и новое мышление, организующиеся в ту или иную форму «вторичной» методологии.* Впервые это произошло, по-видимому, именно с научным мышлением, превратившимся в научно-исследовательскую МД, но сейчас по тому же, теперь проторенному пути идут *практика-методическое, инженерно-техническое, проектное, организационно-*

управленческое и историческое мышление. Над каждым из них надстраивается своя «вторичная» методология, организующая этот тип мышления в относительно замкнутое и автономное целое, и таким образом складываются различные сферы профессиональной МД.

Возникшие совершенно естественно и необходимо в качестве служб, обеспечивающих развитие профессиональных форм мышления, все эти «вторичные» методологии ходом своего относительно независимого развития начинают разрушать и дезорганизовывать целостность сферы МД: каждый тип мышления благодаря организующим функциям своей профессиональной методологии обособляется от других типов мышления и «окукливается»; вместе с тем происходит разделение и окукливание разных форм методологического мышления, превращающихся в так называемые «частные методологии». Таким образом, и на уровне методологического мышления, по идее призванного интегрировать сферу МД, начинает воспроизводиться та разобщенность и обособленность, которая характерна для современных наук и профессиональных типов мышления. *Мы вновь приходим к ситуации, реально угрожающей целостности человеческой МД.* Естественным ответом на нее становится «опускание» интегрирующей функции на более простые, массовые формы мышления и деятельности, но это лишь усугубляет и закрепляет разобщенность.

Альтернативным решением проблемы является *развитие методологического мышления как универсальной формы мышления*, организованной в самостоятельную сферу МД и рефлексивно (в том числе и исследовательски) охватывающей все другие формы и типы мышления. Развита таким образом методология должна будет включать образцы всех форм, способов и стилей мышления - методические, конструктивно-технические, научные, проектные, организационно-управленческие, историческую и т. д.; она будет свободно использовать знания всех типов и видов, но базироваться в первую очередь на *специальном комплексе методологических дисциплин- теории МД, теории мышления, теории деятельности, семиотике, теории знаний, теории коммуникации и взаимопонимания* и т. п. [11; 2; 5]; она будет свободно использовать все существующие категории, но базироваться пока, в первую очередь, на *категории системы, снимающей и организующей все другие категории*; как целое она будет организовываться специальной рефлексией методологического мышления, фиксируемой в средствах содержательно-генетической эпистемологии (и логики), а также в онтологических представлениях всех методологических дисциплин [2; 5].

Итак, в силу всех этих процессов (и существующих проектов организации будущего), мы оказываемся поставленными в такое положение, что должны, как это было и в период научной революции, выработать новые категориальные представления объектов наших исследований и разработок. И именно в этой связи, как уже было сказано, мы обращаемся к структурно-системным представлениям и стараемся *представить объекты нашего мышления* как структуры и системы или, если говорить точнее, *как полиструктуры и полисистемы*. Затем, исходя из этого категориального представления объектов наших исследований, мы стремимся определить возможные формы организации таких исследований - предметные, непредметные, надпредметные [10, с. 203-227; 2; 5; 3, с. 209-218;].

Именно эта последняя процедура- определение форм организации технических, собственно научных и методологических исследований полиструктурных и полисистемных объектов - является здесь главной и решающей, именно на нее в первую очередь направлено наше внимание и именно об этих аспектах всего дела мы хотим получить конкретное представление. Но в силу этого суть расхождений,

разделяющих «натуралистов» и «деятельностников», суть конфронтации между ними, оказывается заключенной совсем не в том, системные или несистемные представления об объекте мы исповедуем, а в том, какой подход - натуралистический или деятельностный - реализуем мы в своем мышлении и в своей научно-исследовательской работе. Именно это различие образует сердцевину чуть ли не всех методологических проблем в разных науках.

Мы представляем в этом споре *системодетельностный подход*. Основания, которые заставляют нас вставать на его позиции, как видно, весьма просты, хотя и не тривиальны. Если мы пришли к такому положению дел, что представления об объекте изучения кажутся нам нескладными и внутренне противоречивыми, если они не раскрывают новых перспектив перед нашей практикой, если нам приходится то и дело констатировать, что в наших представлениях об объекте нет теперь порядка, то надо перестать «пялиться» на объект и в нем искать причины и источники этого беспорядка, а обратиться к своей собственной МД, к ее средствам, методам и формам организации и произвести перестройку в них, ибо *наши представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности*. И именно в этом переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового на *средства и методы нашей собственной МД, творящей объекты и представления о них*, и состоит суть деятельностного подхода. Если натуралистический подход ориентирует нас в первую очередь на материал природы, в нем непосредственно видит разрешение затруднений и парадоксов современной науки, то деятельностный подход, напротив, ориентирует нас в первую очередь на средства, методы и структуры нашей собственной МД и в их перестройке и развитии видит он путь дальнейшего совершенствования самой науки. В этом главная идея деятельностного подхода и в этом его отличие от натуралистического подхода.

1. *Щедровицкий Г. П.* Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // *Г. П. Щедровицкий* Избранные труды. М., 1995.

2. *Он же.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Там же.

3. *Он же.* Методологический подход как средство объединения знаний из разных научных предметов // Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук: Тез. докл. и выступлений. М.; Обнинск, 1987. Ч. 1-2.

4. *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.

5. *Shchedrovitsky G. P.* Methodological organization of systems-structural research and development: principles and general scheme // *General Systems*. 1982. Vol. 27.

6. *Горохов В. Г.* Методологический анализ системотехники. М., 1982.

7. *Он же.* Современные комплексные научно-технические дисциплины // *Вопр. философии*. 1982. № 7.

8. *Комплексный* подход к научному поиску: проблемы и перспективы: В 2 ч. Свердловск, 1979. Ч. 2.

9. *Щедровицкий Г. П.* Проблемы методологии системного исследования // *Г. П. Щедровицкий* Избранные труды. М., 1995.

10. *Он же.* Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // *Г. П. Щедровицкий* Избр. тр. М., 1995.

11. *Он же.* Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
12. *Он же.* Смысл и значение // *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995.
13. *Разработка* и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975.
14. *Щедровицкий Г. П.* Проблемы построения системной теории сложного «популярного» объекта // Системные исследования: Ежегодн. 1975. М., 1976.
15. *Он же.* Цели и продукты терминологической работы (методологические заметки о процессах становления терминологической деятельности) // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972.
16. *Он же.* О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. М., 1967.
17. *Щедровицкий Г. П., Котельников С. И.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // *Г. П. Щедровицкий.* Избранные труды. М., 1995.
18. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3.

